

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
Б Р А Н Ь

НАДУВНОЙ АНГЕЛ
ЗАЗА БУРЧУЛАДЗЕ
РОМАН

Заза Бурчуладзе
Надувной ангел

«Ад Маргинем Пресс»

2014

Бурчуладзе З.

Надувной ангел / З. Бурчуладзе — «Ад Маргинем Пресс», 2014

Новый роман современного грузинского прозаика Зазы Бурчуладзе продолжает выбранную автором нереалистическую стратегию письма. В этом галлюцинаторном мареве перемешаны сны и кадры из турецких фильмов, дух Гурджиева покупает на Ширакском рынке мясо с костью, а братья Фуко, монахи-акробаты из Капошвара, готовят великолепный гуляш. Единственной незыблемой реальностью остаются голос автора и его сложносочиненные отношения с Тбилиси и родной страной.

© Бурчуладзе З., 2014

© Ад Маргинем Пресс, 2014

Содержание

1		6
	Ночной сеанс	6
	Учитель танцев	8
	Монахи-акробаты	10
	Рекламная блокада	12
	Конец ознакомительного фрагмента.	13

Заза Бурчуладзе

Надувной ангел

Перевод с грузинского – Гурам Саникидзе Редактор перевода – Дмитрий Вебер

© Bakur Sulakauri Publishing, 2011

© Заза Бурчуладзе, 2014

© Гурам Саникидзе, перевод, 2014

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014

1

Ночной сеанс

В общение с духами мало кто верит, но их вызывают снова и снова. Нино и Нико Горозии тоже не верили, что им удастся войти в контакт с духом Георгия Гурджиева. Такие духи – все равно что голливудские звезды, связаться с ними совершенно нереально.

Горозии сомневались, что у них что-то получится. И все-таки погасили свет на кухне, выложили на стол большой квадратный лист ватмана с нарисованным на нем кругом, в который фломастером были старательно вписаны буквы грузинского алфавита, а под кругом приписано «да – нет». На перевернутой тарелке тем же фломастером нарисована стрелка. На блюдечке в красный горошек горела короткая толстая свечка, оранжевое пламя которой выхватывало из темноты лишь ватман, тарелку со стрелкой, выложенные на стол руки супругов и их лица.

Настенные часы показывали первый час ночи, но этого не было видно в темноте. В раковине высилась гора немытой посуды. Пламя свечи туда тоже не дотягивалось. В чашке с отломанной ручкой в остатках кофе с молоком плаваладохлая муха. Запах в комнате стоял тяжелый – смесь никотина, геля для мытья посуды и псины. В стоящем у стены кресле спал Фуко – белый бультерьер с розовой мордой, размером почти что с кабана. От соседей доносились звуки телевизора. Где-то смотрели «Профиль»: ¹ пригласили, видимо, какого-то остроумного гостя – зал то и дело смеялся и старательно аплодировал.

Нино выглядела гораздо моложе своих лет, хотя никто точно не знал, сколько ей было. Она работала мелкой служащей в мэрии Тбилиси. Слегка сдувшаяся грудь, большие голубые глаза, хорошая осанка, отсутствие целлюлита – миниатюрная женщина в стиле Барби. Никто бы не смог сразу определить, что за ее добродушным лицом и слегка меланхоличным взглядом укрыты твердая воля и железный характер.

Нико тоже не был богатырем. Впрочем, в отличие от Нино, в его пропорциях ощущалось что-то невыносимое и даже неполиткорректное. Со своими пухлыми щеками, округлыми губами и потухшими глазами он походил на депрессивного психопата. Характер у него такой мягкий, что хоть веревки вей.

В ту ночь на Нино были джинсовые шорты и белая, почти прозрачная футболка, а на ногах резиновые тапочки. Она только что вышла из ванной, и её короткие растрепанные волосы еще не высохли. Запах шампуня слегка оживлял тяжелый воздух в комнате. Она была без лифчика: крепкие соски выпирали через футболку. Слегка возбужденная, она хотела, чтобы Нико засунул руку под футболку и потрогал ее за сосок... Но больше ничего.

А Нико смотрел на тарелку со стрелкой и думал о лежавшем в холодильнике эклере, к которому не смел притронуться. Вот уже неделю он не ел после шести часов вечера и страшно мучился. На самом деле избыточный вес особо его не беспокоил – эта диета была скорее навязчивой идеей, чем необходимостью.

Мысль устроить спиритический сеанс появилась у Нины, когда она сидела на работе, убивая время в интернете. Нико ничего против этой затеи не имел. Разве ж пойдешь против собственной жены? Тем более когда она решила войти в контакт с покойниками.

Он всего лишь спросил:

¹ Аналог российской передачи «Пусть говорят». (Здесь и далее прим. пер.)

– А почему именно с Гурджиевым? – а в душе добавил: «А не, скажем... скажем...» Хотел назвать другого, более авторитетного покойника, но никого с ходу не вспомнил. Кроме разве что попугая, который был у него в детстве. Однажды утром, сняв ткань с клетки, Нико увидел дохлую птичку. Она валялась на дне клетки и была еще теплая. Когда он взял малюсенький труп попугайчика в руки, его головка упала набок.

– Как это почему, – Нино сделала паузу, – если что, хоть по-грузински с ним сможем поговорить.

Дело в том, что Горозии толком не знали ни одного иностранного языка. В самом крайнем случае Нино могла бы припомнить несколько немецких слов, а Нико – английских, еще меньше. К тому же Нино настолько мало знала о Гурджиеве, что считала его если не грузином, то, по крайней мере, родившимся в Грузии.

Нико, сомневавшийся в существовании языкового барьера с духами, в глубине души согласился с женой. В их отношениях было что-то такое, что существует между матерью и сыном.

Когда-то Нико считался перспективным режиссером. Сняв в двадцать лет студенческий короткометражный фильм, он быстро оказался в центре внимания узкого, но нужного круга. Тогда многие заговорили о его *интуиции* и *остром глазе*. Все было вроде впереди у молодого человека: короткие романы с отчаянными домохозяйками, длинный шарф вокруг шеи и бурный образ жизни. Все кончилось, когда он познакомился с Нино. С ней Нико быстро сдуслся и размягчился. А видеокамеру как-то непроизвольно сменил на фотоаппарат. За последние три года даже в нескольких совместных выставках участвовал, хотя стало заметно, что его *острый глаз* уже притупился. Черно-белые портреты и пейзажи другие тоже умели снимать. Причем гораздо лучше. Что Нико и сам видел, но особо по данному поводу не переживал. Поэтому его фотоаппарат теперь чаще лежал на полке рядом с компакт-дисками и книгами. А *интуиции* сейчас хватало только на то, чтобы не сморозить чего-нибудь такого, что не понравится Нино. В конце концов, он уже давно жил за ее счет. Так что, будучи рядом с женой, Нико иногда говорил не то, что сам хотел сказать, а то, чего от него ждали (как он сам считал).

«Мало ли что», – подумал в ту ночь Нико, выбросил наконец из головы дохлого попугая и сказал:

– Пусть будет Гурджиев, – пожал плечами и почему-то добавил: – Посмотрим.

Учитель танцев

Нино не ожидала, что что-то получится, даже когда повела тарелку со стрелкой по кругу над пламенем свечи и положила на картон. В Исландии как раз начиналось извержение вулкана Эйяфьядлайокудль, когда в Тбилиси Горозии прикоснулись к тарелке и закрыли глаза. Нино больше шептала, чем говорила из сердца: «Гурджиев, иди к нам!.. Гурджиев, иди к нам!..»

Когда тарелка сначала завибрировала, затем резко замерла, а в прихожей что-то затрещало и зашуршало, Нино тотчас замолчала. Выпучив глаза, Горозии уставились друг на друга. Фуко вскочил, наострил уши. В прихожей вновь что-то зашуршало. Фуко спрыгнул с кресла, напряженный, с рычанием двинулся в сторону входной двери. Короткие мускулистые лапы пес слегка разводил в стороны, как большая ящерица. Нино сжала руку Нико. Фуко вышел в прихожую.

Там отчетливо кашлянули. Фуко вдруг перестал рычать. Из темноты доносились звуки неясной возни. Нино еще крепче сжала ладонь Нико. А тот ничего лучше не придумал, чем шепотом позвать в темноте:

– Фуко! – слегка повысил голос, – Фуко!

– Здесь, – ответили из прихожей.

У Нино расширились глаза, волосы на спине встали дыбом. Как у каждой грузинки, у Нино росло немного волос вдоль позвоночника.

– Кто там? – почему-то шепотом спросил Нико.

Из темноты выдвинулся среднего роста и дряблого телосложения старик, чем-то похोдивший на тюленя. Даже в тусклом свете свечи было ясно, что он подслеповат. У него были большие выпученные глаза и мягкий старческий подбородок. Густые белые усы с торчащими кончиками росли будто прямо из ноздрей. Потрепанный черный пиджак нараспашку, между карманом черного атласного жилета и пуговицей – цепочка от золотых часов. На ногах плосконосые запыленные штиблеты. А на голове смушковая черная папаха – некая смесь суфийского таджа и пионерской пилотки. Фуко пристроился рядом, помахивая хвостом.

– Я Гурджиев, – начал мужчина прямо из прихожей.

В конце он чуть зашепелявил, так что Нино не расслышала – Гурджиев или Доржиев. При виде старика Нико встал:

– Прошу вас, господин...

– Зовите меня Гурджи,² – помог старик. Разговаривал он странно, будто бы еле сдерживая улыбку.

– Гурджи? – повторил Нико.

– Впрочем, – старик протянул Нико руку, – имя Раймонд мне тоже нравится. Фуко глухо твякнул, вроде как кашлянул, потребовав внимания.

– Раймонд? – спросил Нико, машинально пожимая гостью руку.

Фуко встал на задние лапы, передними уперся в старика, чуть не свалив его с ног. Тот потрепал пса по голове, почесал за ухом.

– Пусть будет Гурджи, – сказал он с улыбкой, – только без господина!

Нико не понял, шутит гость или говорит серьезно.

– Салам алейкум! – Старик пожал Нино руку. – Учитель танцев Георгий Гурджиев.

² Слово «Гурджи» представляет собой застывшую форму прозвища, которое восходит к тюркскому слову «гурджи», что значит «грузин».

Гурджиев на секунду посмотрел Нино в глаза. А она сразу ощутила между ногами легкое покалывание, по всему телу прошел озноб. Это было подобно гипнозу – одновременно приятно и опасно.

Нино, несмотря на растерянность, отметила, какая теплая и мягкая рука была у гостя.

Перед тем как старик убрал руку, Нино заметила на его среднем пальце кольцо с выгравированными фигурами разных животных. Это была тонкая ювелирная работа. Даже в неверном свете свечи каждая деталь виднелась четко, как на аверсе свежоотчеканенной монеты. На серебряном кругу друг за другом выстроились маленький человечек с птичьей головой, двуглавый орел, стоящий на одной ноге журавль, обыкновенный петух... Лишь одна птичка повторялась три раза подряд. Как многообразие. У птички было крупное тело, маленькая головка и крючковатый клюв.

Гость уловил направление взгляда Нино.

– Это андийский кондор, – сказал он и скупно поклонился Нино, – честь имею.

Нико заметил, что гость улыбнулся в усы, заведя тарелку со стрелкой. Также отметил легкий и приятный акцент, с которым старик говорил по-грузински. Очевидно, Нино была права – надо было вызывать именно Гурджиева.

– Чаю не желаете? – Нино встала со стула.

«Эклер еще есть», – подумал Нико про себя.

– Не успеем, – гость достал из кармана жилета часы, посмотрел на них, – очень извиняюсь. Сейчас должен быть совершенно в другом месте... не знаю, как сюда попал, – и вытянул нижнюю губу. – Видимо, что-то не так пошло.

На кухне воцарилась неловкая тишина. Нико отвел взгляд от старика – сначала посмотрел на Нино, затем на Фуко, на холодильник и снова на Нино.

– Сейчас исчезну, – деловито сказал гость и начал считать: – Пять... четыре... – Горозии уставились на старика. – Три... два... один...

И действительно, эффектно досчитав, Гурджиев *всколыхнулся*, как некачественное изображение на телеэкране, но не исчез. Лишь в животе у него щелкнуло, из ушей струей вырвалась черная сажа и запахло жженой резиной.

Фуко удивленно и сдавленно тявкнул. Гость посмотрел на часы, потряс ими, приложил к уху, снова посмотрел на них.

– Что случилось? – спросила Нино.

– Не знаю, – гость непроизвольно рыгнул, выпустив остаток сажи изо рта, как дым сигареты. Снова пахло жженой резиной.

На кухне воцарилась неловкая пауза. Гость казался растерянным.

– Могу чем-нибудь вам помочь? – Нико придвинул стул. – Садитесь.

– Не знаю, голубчик, не думаю... – Старик машинально присел. – Главное, не поддаваться панике. – Было видно, что он обращается к себе, а не к Горозиям. – Побеседуем, и исчезну, когда исчезнется.

Монахи-акробаты

Присели в гостиной. Нико пристроился на подоконнике у открытого окна, чашка с отломанной ручкой стояла рядом. Издали он разглядывал гостя. В глубине души ему было стыдно, что он совсем ничего не знал об этом человеке. Все-таки Георгий Гурджиев, не ерунда какая. Нино сидела за столом, временами прикрывая рот рукой – зевала. В пальцах держала зажженную сигарету, но не курила, фиолетовый дым вился к потолку. Сначала у нее было столько вопросов, что она не знала, с какого начать. Все они казались равно глупыми и неуместными. А затем вопросы разом испарились. Прошел уже почти час, как пожаловал Гурджиев, а Нино больше так ни разу и не почувствовала в его взгляде того, отчего совсем недавно по ее телу пробежали мурашки. Даже стыдно сделалось, как это она могла подумать такое об этом старом хрене; конечно, показалось. Гость тем временем успел снять пиджак и жилет, штиблеты и папаху – лысая голова блестела при свете лампочки. На ногах обнажились носки в полоску с протертыми пятками. Как любой крестьянин, кроме кисловатого душка ног он издавал смесь запахов свежей травы, дыма и отчасти – навоза. Теперь он казался еще старше. Было заметно, что он не брился уже несколько дней. От горячего его щеки разрозовелись. Гурджиев закатал рукава протертой грязной рубашки, и открылись руки, сплошь в старческих пигментных пятнах. Он сидел на диване с прямой спиной, как йог. Рядом на блюде лежал изюм. Захватив несколько ягод одновременно, он закидывал их в рот, запивая чаем из прозрачного стакана. В такие моменты его старческий дряблый подбородок колыхался, как у рептилии. Временами он доставал часы из кармана жилета, смотрел на них. Фуко положил ему голову на колени, и Гурджиев спокойно потирал псу ухо.

– Знавал я братьев Фуко, – сказал Гурджиев, – Янош и Тамаш Фуко. Были монахами-акробатами из Капошвара. Великолепный гуляш готовили. И чардаш танцевали неплохо... – Затем спросил: – Его кто назвал Фуко?

– Нико, – Нино прикрыла рот рукой, зевнула и сделала вывод, что он заиклен на именах, вспомнив историю с Раймондом.

Гурджиев посмотрел в сторону Нико.

– В честь Мишеля Фуко, – сказал Нико, – он так же выглядел: плотная шея и сильная челюсть... – Вдруг он замолчал, застеснявшись своего прилежного ответа.

К тому же имя собаке давал не он – они купили щенка, когда его уже звали Фуко, а про плотную шею и сильную челюсть им сказал кинолог. Горозии перепроверили в интернете и, когда очень постарались, действительно нашли некое сходство между внешним обликом бультерьера и Мишеля Фуко.

– Вот, оказывается, в чем дело, – Гурджиев улыбнулся в усы.

Нико не понял, Гурджиев открыто над ним посмеивался или просто тик у него был такой – улыбаться в усы. Он так разозлился, что чуть было не бросился искать в интернете фотки Мишеля Фуко. К тому же, глядя на ноги Гурджиева, почему-то вспомнил увиденных прошлым летом американских туристов в стамбульском Султанахмете. Как привидения, они молча ступали по устланному коврами полу Голубой мечети за гидом с бесплатной брошюрой о мечети в одной руке и пакетом собственной обуви в другой, на шее фотокамера, а в глубине души немного страха – впавший в религиозный экстаз, стоящий на коленях на сиджаде имам во время молитвы то и дело смачно прикладывался лбом к полу. А вокруг призраками ходили спрятанные в чаршафы женщины.

Нино нетерпеливо ждала, когда старик исчезнет – его бесконечный визит уже начинал ее раздражать. К тому же до смерти хотелось спать. Не осмеливаясь спросить прямо, когда, мол, вы исчезнете, она зашла издалека:

– Оттуда ничего не слышно?

Старик достал часы из кармана, посмотрел на них:

– Пока ничего, – вздохнул.

Он все еще потирал ухо Фуко. Пальцы, натренированные в переборе четок. Пребывающее в блаженстве животное валялось рядом с ним, как падаль.

Нино уже уверилась, что Гурджиев никуда не собирается и останется у них. Она только не понимала, старик это сам все устроил или случайно получилось.

– Вы ложитесь, – сказал Гурджиев, – поздно уже. Я здесь подожду, если можно. Мне главное – вас не беспокоить. – И про себя буркнул: – Когда-нибудь же исчезну, елки-палки!

Так жалко и безнадежно сказал, что даже Нино смягчилась, хотя его *когда-нибудь* совсем ей не понравилось.

– Давайте сделаем так, – Нино встала. – Я вам постелю здесь, – и тут же добавила, шутя: – И... когда вы исчезнете, исчезнете.

– Прекрасно! – подхватил Гурджиев и даже заплодировал.

Фуко вскочил на диване, глухо залааяв.

Рекламная блокада

Вскоре Горозии легли. Сразу уснуть, конечно, не смогли. Да и как тут уснешь! Шутка ли – в соседней комнате сидит Гурджиев. Было так жарко, что они не могли прикоснуться друг к другу. Где-то без умолку жужжало ночное насекомое.

Нико, лежа в кровати, включил лэптоп. Его легкая вибрация распространилась на всю постель – и на «Ютубе» тихо начал смотреть документальный фильм о Гурджиеве. Чем дольше он смотрел, тем бóльшим уважением проникался к гостю. А мыслями парил над лежащим в холодильнике охлажденным эклером.

Несмотря на жару, Нино по горло завернулась в простыню. Глаза слипались, лицо освещал экран лэптопа. Временами в фильме появлялись архивные кадры – Гурджиев то садится в машину на какой-то улице Парижа, то стоит в тени дерева в окружении молодых людей, улыбаясь в усы, то мнет в руках папаху... Нино ощутила гордость, что человек, красовавшийся на экране лэптопа, сидит у них в гостиной.

Временами шум проносящихся по проспекту Руставели машин доносился до улицы Атарбекова. Сквозь ветки стоящего перед домом дерева из окна спальни Горозии виднелся небольшой фрагмент Тбилиси – стеклянный купол президентской резиденции, освещенный прожекторами собор Троицы и затемненный Авлабар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.